

СУЕВЕРИЕ И ПРАВИЛА ЛОГИКИ

Позволительна ли по правилам логики гипотеза о вредном влиянии общинного владения на земледелие? — Что такое называется азиатством и в чем заключаются действительные препятствия успехам нашего земледелия?

Нам, людям просвещенным, чрезвычайно смешны кажутся деревенские простяки, верящие в знахарство и заговоры. Пропадет у бабы холст, который разостлала она белить за огородом, — баба отправляется к знахарю, главе всех окрестных мошенников, и знахарь объявляет ей, что холст найдется в таком-то овине или хлеве. Долго бьет мужика неотвязная лихорадка; призывают знахарку, — она поит его вином, к которому примешан мышьяк, сопровождая лечение причитыванием разных заговоров, и лихорадка проходит, если больной не умрет от мышьяка. И баба, нашедшая свой холст, и мужик, выздоровевший от лихорадки, остаются в твердом убеждении, что действие произведено причитываниями и таинственными жестами, с которыми знахарь гадал о потерянной вещи и знахарка давала лекарство. Какое нелепое, тупоумное суеверие! Но если вместо того, чтобы смеяться над ним, мы захотим разобрать, отчего произошло дикое заблуждение, мы найдем, что сущность его состоит в предположении, будто бы результат произведен фактом, только случайно совпавшим с другими фактами, обратить внимание на которые не хотят суеверные простяки и которые сами по себе уж очень достаточны для объяснения дела. Знахарь имеет сношения с ворами — это известно всем в селе; не было ли бы довольно этого, чтобы понять, как он может указать место украденной вещи, поделившись оброком от простодушной крестьянки со своими агентами-ворами? Мышьяк — лекарство слишком вредное, но радикальное лекарство от лихорадки: не было ли бы довольно этого, чтобы объяснить излечение мужика? Но деревенские невежды, пренебрегая причинами положительными, непременно хотят строить гипотезы о мнимом влиянии таких фактов, которые ровно ничем не участвовали в совершении дела.

Если мы не захотим забывать найденной нами существенной черты суеверия, то без всякого затруднения мы найдем слово, которым надобно характеризовать мнение

отсталых экономистов о том, будто бы плохое состояние нашего земледелия имеет какую-нибудь связь с общинным владением. Это мнение, точно так же как вера в силу таинственных жестов знахарства, основывается исключительно на том, что отсталые экономисты непременно хотят придумать гипотезу для объяснения факта, слишком достаточно объясняемого действием причин очевидных и несомненных. В одной статье мы говорили о возражениях против общинного владения, проистекающих от незнакомства с философией, в другой — о возражениях, проистекающих из незнакомства с характером дельного законодательства, из неумения отличить его от бестолковой регламентации; теперь мы будем говорить о предрассудке, возникающем из-за незнакомства с основными правилами логики.

Когда мы хотим исследовать, может ли какое-нибудь обстоятельство считаться причиной известного факта, логика предписывает нам, во-первых, рассмотреть, нужна ли гипотеза о какой бы то ни было лишней причине, или тот факт, происхождение которого мы хотим узнать, совершенно достаточно объясняется действием причин уже известных. Если окажется, что этих несомненных причин уже совершенно достаточно и что нет надобности придумывать новую причину, логика велит нам испытать, нет ли положительных указаний, что факт, происхождение которого мы объясняем, возникает исключительно от этих причин, совершенно независимо от обстоятельства, которому наше суеверие приписывало влияние на него. Для этого логика велит внимательнее обозреть природу и историю, чтобы видеть, не повторяется ли этот факт в полной своей силе и там, где не существует обстоятельства, которое суеверным образом ставится в связь с ним. Для человека рассудительного бывает обыкновенно довольно первой половины исследования; но тот, кто ослеплен суеверием, принужден бывает сознаться в своем заблуждении только по приложению к спорному вопросу и второго способа — способа отрицательной проверки. Положим, например, что я вздумал бы утверждать, будто поднятие ртути в барометрической трубке зависит от свойств стеклянной массы, составляющей стенки этой трубки. Как узнать, основательно ли мое мнение? Каждому известно, что ртуть поднимается в трубке давлением атмосферы, и логика велит прежде всего исследовать, достаточно ли влияния одной этой причины для поднятия ртути на ту высоту, какой она достигает в барометре. Если окажется, что достаточно одного давления атмосферы для произведения этого факта,

рассудительные люди уже видят неосновательность моего мнения о связи этого явления с качествами стекла; но я в упорстве своего ослепления все еще могу твердить: «так, ртуть поднимается давлением атмосферы; но почему знать, не поднимается ли она отчасти также и каким-нибудь свойством стекла?» Чтобы отнять у меня возможность такого пустословия, надобно сделать барометр из железа, кости или какого-нибудь другого материала: когда в роговой или глиняной трубке ртуть будет подниматься точно так же, как в стеклянной, нелепость моей гипотезы обнаружится таким осязательным способом, что, не отказавшись от нее, я представлюсь уже просто или человеком недобросовестным, или тупоумным суевером. Упрямство отсталых экономистов таково, что необходимо довести исследование о предполагаемой связи между низким состоянием земледелия и общинным владением до этого последнего результата. Для них мало будет простого указания на то, что предположение об этой связи — гипотеза совершенно лишняя, потому что и без нее факт слишком достаточно объясняется такими причинами, влияние которых на состояние земледелия несомненно.

Развитие сельского хозяйства в России слабо. Но могло ли оно достичь высокой степени, какова бы ни была у нас система владения землею? Существовало ли у нас до сих пор хотя одно из тех обстоятельств, от которых зависит усиленное развитие земледелия? Не очевидно ли, напротив, что все данные, которыми обуславливается положение сельского хозяйства, находились у нас до сих пор на ступени, чрезвычайно неблагоприятной его успехам? Пересмотрим поочередно главнейшие из этих данных, чтобы видеть, какого развития могло достигать у нас сельское хозяйство при каком бы то ни было способе владения землею.

Статистика говорит, что степень успехов сельского хозяйства везде соответствует густоте населения. Лучше всего в Европе земля обрабатывается в Англии, в Рейнской Германии и в Ломбардии: эти страны имеют от 5 до 6000 населения на квадратную милю. Во Франции, где население простирается до 4000 человек на квадратную милю, земля обрабатывается далеко не с такой заботливостью. В восточных частях Австрийской империи, где население еще реже, обработка земли еще хуже. В собственной Венгрии, где на квадратную милю считается 2500 населения, сельское хозяйство до сих пор остается под господством методов обработки совершенно перво-

бытных. Еще меньше усовершенствований имеет сельское хозяйство в Трансильвании, где приходится на квадратную милю по 2000 человек. Венгрия и Трансильвания до такой степени отстали в методах сельского хозяйства от прочих земель Западной Европы, что статистика, говоря о земледелии в Западной Европе, никак не думает и вспоминать о восточных областях Австрии как о странах, сколько-нибудь похожих в этом отношении на земли более населенные, которые служат исключительным местом усовершенствований в земледелии. У нас нет ни одной губернии, которая густотой своего населения равнялась бы хотя Венгрии, и за исключением одной Московской нет ни одной губернии, которая превосходила бы в этом отношении Трансильванию. Если мы возьмем даже только одни так называемые земледельческие наши губернии, то есть западную часть центральной России, Малороссию и землю черноземной полосы, все-таки в общей сложности мы не получим более 1200 человек на квадратную милю в этом пространстве, где главным образом сосредоточено наше земледелие *. Скажите же, каких усовершенствованных методов, при каком бы то ни было способе владения, можно ожидать в сельском хозяйстве такой страны, которая имеет населения в два раза меньше, чем Венгрия и Трансильвания, где по многоземелию нет надобности в усовершенствованных методах? Если Франция, имеющая около 4000 жителей на квадратную милю, до сих пор держится трехпольного хозяйства, если она до сих пор остается почти совершенно чужда усовершенствованным способам производства, то не безумно ли приписывать мистическому влиянию общинного владения то обстоятельство, что мы, подобно французам, держимся трехпольной системы и, подобно французам, плохо удобряем свою землю? Кто, сравнивши густоту населенности в Европейской России и в Западной Европе будет нуждаться еще в гипотезе о вредном влиянии общинного владения, тот, по нашему мнению, должен в случае болезни лечиться не у докторов, а у знахарей: действие медицинских средств

* Мы отбрасываем губернии Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Астраханскую и другие, в которых население несравненно меньше. Читатель знает, что если считать эти громадные пустыни, то средняя густота населения в Европейской России едва достигает 650 человек на квадратную милю. Но мы берем только ту половину Европейской России, в которой население по нашей русской норме считается уже довольно густым и которая преимущественно имеется в виду, когда речь идет о земледелии.

ему должно казаться тоже недостаточным, и он должен искать помощи себе в каком-нибудь заговоре колдуна.

Зависимость усовершенствованных способов обработки земли от густоты населения яснее всего выказывают Соединенные Штаты. Они в высокой степени обладают всеми другими условиями, вызывающими усовершенствованное сельское хозяйство: и громадным развитием городов, и превосходными путями сообщения, и страшным богатством капиталов, — всеми этими условиями, которых лишена Россия; они отличаются от Англии только тем, что густота населения в них невелика, и от разницы в этом одном обстоятельстве происходит то, что североамериканец пренебрегает усовершенствованными методами сельского хозяйства. Спросите его, почему он не употребляет на улучшение акра земли в каком-нибудь Огайо по 100 долларов, между тем как англичанин тратит на улучшение своей земли гораздо больше, — он или захохочет, считая вас помешанным, или рассердится, думая, что вы принимаете его за дурачка, над которым можно потешаться. Но если вы объясните ему, что вы спрашиваете серьезно, и докажете, что вы человек не глупый, а только чересчур начитавшийся отсталых экономистов, то он растолкует вам, в чем дело. Он скажет: если я буду обрабатывать свою землю по английской усовершенствованной методе, я не обработаю и третьей части того количества, какое находится у меня теперь под посевом. Земля у нас так дешева, что тратить много денег на ее улучшение еще невыгодно.

Отсталые экономисты вообще так сообразительны, что, пожалуй, тотчас же придумают новую гипотезу, все во вред тому же непостижимому для них общинному владению. Надобно поскорее сделать оговорку, чтобы предупредить их остроумную догадку. Хорошо, скажут они, затрачивать много денег на улучшение земли у нас нельзя потому, что земля слишком дешева и население не имеет такой густоты, как в Англии. Но причину малой населенности и дешевизны наших земель не должно ли считаться общинное владение? Мы не сами выдумали это остроумное соображение, после которого остается только предположить, что нерасчищенность фарватера наших рек происходит также от общинного владения. Отсталые экономисты действительно говорили, что развитие населения у нас задерживается общинным владением; но это показывает только, что они не читали даже извлечения из рус-

ской истории Карамзина, которое приложено к немецкой грамматике г. Таппе для упражнения в переводах. Иначе они знали бы, что до половины XVII века вся Европейская Россия была театром таких событий, при которых можно дивиться разве тому, что уцелели в ней хотя те малочисленные жители, которых имела она при Петре. Татарские набеги, нашествие поляков, многочисленные шайки разбойников, походившие своей громадностью на целые армии, — все это постоянно дотла разоряло русские области. Они опустошались также страшною неурядицею управления. Мы знаем, что вольные люди записывались за помещиков, лишь бы найти себе какую-нибудь защиту, потому что закон был совершенно бессилён оградить их, — это факт, говорящий о таком положении вещей, соответствие которому в истории Западной Европы представляют лишь те мрачные времена средних веков, когда аллодиальные владельцы принимали на себя феодальную зависимость. Удивительно ли, что при таком положении дел народонаселение оставалось чрезвычайно малочисленным? Только с XVIII века внешние разорители были обузданы и внутренняя администрация стала несколько улучшаться; с тех пор, в течение 160 лет, она постоянно улучшалась, но по нынешнему ее состоянию можно судить о том, какова была она лет 70 тому назад. Если теперь производятся вещи, тысячной доли которых не мог описать Щедрин, то рассказы наших отцов и дедов свидетельствуют, что в их времена господствовал произвол, невероятный даже для нас. Не будет ли явным безрассудством отыскивать каких-нибудь других причин к объяснению того факта, что Россия заселена еще очень слабо? Мы удивляемся не тому, что теперь наше население еще слишком мало; напротив, скорее требовало бы объяснения то обстоятельство, каким образом могло оно увеличиться хотя до настоящей цифры при известной нам судьбе русского народа в этот период. Сравнивая цифру населения собственно русских областей в наше время с населением их за полтора столетия, мы должны приписать натуре русского человека чрезвычайную переносливость — черта, которая обнаруживается также всюю нашею историею и всеми особенностями нашего быта.

Мы сказали только об одной причине неразвитости нашего сельского хозяйства, и эта одна причина — малая населенность даже самых населенных наших земель — уже могла бы служить очень удовлетворительным объяснением тому, что наше земледелие еще не вышло из-под

господства первобытных методов обработки; но сколько есть еще других несомненных причин, действующих в том же направлении. Замечено, например, что развитие сельского хозяйства идет в уровень с развитием городов. Дело очень понятное: методы производства улучшаются тогда, когда нужно усиленное производство; усиление производства возможно только тогда, когда есть сбыт для продуктов. В большой стране города собственного государства должны служить важнейшим местом сбыта сельских продуктов. Потому, чем значительнее пропорция городского населения в общем числе жителей страны, тем высшего развития достигает в ней и земледелие. Противники общинного владения восхищаются английским сельским хозяйством; но ведь в Англии более двух третей населения живет в городах. Один Лондон с принадлежащими к нему местечками представляет массу покупателей хлеба, едва ли не бо́льшую, чем все города Русской империи от Петербурга до Якутска *.

В Англии более двух третей населения сосредоточено в городах. В Пруссии городские жители все еще составляют около третьей части всего населения; даже в Австрии в городах живет восьмая часть населения. У нас оно составляет едва двенадцатую часть. Итак, не сравнивая России с Англией, ни даже с Францией и Пруссией, довольно будет заметить, что по пропорции между городским и сельским населением русское земледелие находится в положении, в полтора раза неблагоприятнейшим, чем земледелие Австрии, самой отсталой западной державы по методам сельского хозяйства.

Отсталые экономисты могут в чем угодно обвинять общинное владение. Может быть, оно причиною того, что климат наш суров, что часты у нас засухи; но едва ли даже они дойдут до мысли приписывать ему неразвитость наших городов. А между тем странно сказать, как ни малы наши города, они почти не увеличиваются, как будто бы нет у нас и потребности в них. Одесса, Харьков, еще два, три города — и кончен список всех центров, развиваю-

* В Лондоне с окрестными местечками считается до 3 миллионов жителей, а во всех городах Русской империи — до 5 с половиной миллионов. Но почти во всех наших уездных и даже во многих губернских городах большинство населения занимается хлебопашеством. Эти люди горожане только по имени, а в самом деле они такие же поселяне, как и деревенские мужики, несмотря на свой титул мещан. Нет надобности говорить, что в Лондоне, напротив того, каждый житель не производит, а только потребляет хлеб.

щихся заметным образом. Даже столицы наши увеличиваются далеко не так быстро, как большие города Западной Европы. В Москве, например, с незапамятных времен, чуть ли еще не при Иване III Васильевиче, а наверно при Елисавете Петровне, считали более 300 000 жителей. По прошлогоднему календарю считалось в ней 354 927 жителей. Надобно будет справиться в календаре за нынешний год, не вознаградился ли в последние десять месяцев застой целого столетия. Шутки в сторону. Каких успехов можно ожидать при каком бы то ни было способе землевладения от сельского хозяйства такой страны, где после двух столичных губерний и Херсонской губернии с ее полуиностранною Одессою первое место по пропорции между городским и сельским населением занимают провинции, недавно завоеванные от Турции, как будто бы самые передовые в экономическом развитии *.

Наши города оставались до сих пор какими-то пародиями на города. Но если они представляли для сбыта сельских произведений рынок столь ничтожный, что не могли поднять земледелия, зато есть у нас другой источник сбыта — заграничная торговля. Мы кричим очень много об отправляемом нами за границу хлебе. Но в целые десять лет, с 1844 до 1853 включительно, мы вывезли из всех наших гаваней всех сортов хлеба вместе всего 57 миллионов четвертей, по 5 700 000 четвертей в год, то есть, считая по полторы четверти на продовольствие одного потребителя, весь наш заграничный отпуск равнялся присутствию четырех миллионов потребителей. Из этого следует, что если мы соединим размер внутреннего рынка (городские потребители) с продажей на заграничные рынки, мы получим, что все поощрение нашего земледелия к усиленному производству равнялось потребности 8 миллионов по-

* Для курьеза — именно для курьеза, потому что цифры эти восхитительны, — выпишем верхнюю часть таблицы городского населения из Тенгоборского¹.

На 1000 человек населения считается городских жителей:

Губернии

1. С.-Петербургская	517
2. Московская	258
3. Херсонская (Одесса)	237
4. Таврическая (турецкая цивилизация)	172
5. Бессарабия (турецкая цивилизация)	163
6. Астраханская (калмыцкая цивилизация)	140
7. Курляндия (немцы)	121
8. Харьковская (слава богу, вот и мы, наконец)	114

требителей *. Итак, оба рынка, внешний и внутренний, едва могут производить у нас на земледелие столько возбуждающего влияния, сколько производится в Англии одним внутренним рынком.

Отстальные экономисты могут приписать все это общинному владению; но дело известное, что слабое развитие наших городов имеет свою причину неразвитость нашей промышленности и торговли, а отпуск хлеба за границу стесняется отсутствием сносных путей сообщения. Надобно ли говорить, что обе причины, кроме косвенного вреда, приносимого ими земледелию через ограничение заграничного сбыта и городского потребления, страшно вредят сельскому хозяйству и прямым образом? Надобно ли говорить, что, каково бы ни было число жителей в городах, земледелие не может делать успехов в стране, где слабы промышленность и торговля? Надобно ли говорить, что всякое производство, а в особенности земледельческое производство, нуждается для своего развития в удобных путях сообщения? Кому не известно, что Псковская губерния может умереть с голоду прежде, чем получит хотя четверть хлеба из Малороссии, которая в то же время будет страдать от невозможности сбыть куда бы то ни было свой хлеб? Или надобно говорить о том, что наша торговля находится в самом *жалком* положении, а пути сообщения до последнего времени находились еще в худшем?

Есть еще одно важное коммерческое обстоятельство, специальным образом тяготеющее над нашим земледелием. Из всех отраслей производства в сельском хозяйстве всего ощутительнее важность оборотного капитала. Фабрика или завод обыкновенно или создается, или покупается тем самым человеком, который бывает хозяином производства. При покупке или устройстве своего заведения он обыкновенно рассчитывает, чтобы нужное количество капитала оставалось у него для оборота. Не то в сельском хозяйстве. Земля чаще всего достается по наследству, и владелец, не получив вместе с нею оборотного капитала, обыкновенно и не понимает нужды в нем. Земля у него есть, работа даром и справляется крепостными людьми: о чем же еще думать владельцу? Если у него есть деньги, он пускает их в другие предприятия или чаще всего прожигает, а земледельческое производство совершается

* Мы полагаем из 5 с половиною миллионов городского населения до 4 000 000 человек, покупающих хлеб, — цифра слишком высокая — и к ним прибавляем 4 000 000 потребителей, которых мы продовольствуем за границей.

у него решительно без всяких затрат оборотного капитала. Между тем известно, что успехи земледелия находятся в прямой зависимости от величины затрат на оборотный капитал. Каких успехов можно ожидать там, где нет понятия о надобности в оборотном капитале?

Это <дикое> положение приводит нас к одному из основных источников нашей <дикости и> отсталости во всех отношениях — к крепостному праву. Коренным образом крепостное право принадлежит сфере сельского хозяйства, и само собою разумеется, что если оно обессиливало всю нашу жизнь, то с особенной силой должны были отражаться его результаты на земледелии, которое полнее всего подчинялось его силе. Неуместно было бы здесь распространяться об этом предмете, — о нем довольно наговорено в последнее время бесчисленными писателями, которые вдруг обнаружили благороднейшее негодование против бедствия, имевшего привилегию столь долго не вызывать никаких порицаний. Мы сами грешили этими внезапными вспышками благородства.

В те дни, когда нам было ново
Значение правды и добра²,

и теперь не можем, не краснея, вспоминать о тогдашних наших подвигах. Итак, довольно будет сказать, что цена хлеба зависела от той части его, которая производилась крепостным трудом, то есть не имела ровно никакой цены в глазах владельца, и что крепостное право, переделавши в своем духе все наши обычаи, конечно не могло содействовать ни развитию духа предприимчивости, ни поддержанию трудолюбия в нашем племени. Если бы не было никаких других неблагоприятных обстоятельств, одного крепостного права было бы достаточно, чтобы объяснить жалкое положение нашего земледелия.

Крепостное право было одним из учреждений, ослаблявших народную энергию. Но не одному ему надобно приписывать страшный упадок ее. Крепостное право было только одним из множества элементов, имеющих такое же влияние на силу нации. Мы не хотим теперь перечислять всех этих вредных учреждений: для нашей цели довольно будет обратить внимание только на результат их. Русский народ <живет или, лучше сказать, прозябает или дремлет> в тяжелой летаргии, немногим отличающейся от расстройства духа, владычествующего над азиатами. <Апатия у нас изумительная; она так поразительна, что многие называют нас народом ленивым. Мы не знаем, существуют

ли на свете ленивые народы. Психология говорит, что страсть к деятельности врождена человеку, а физиология объясняет и доказывает это, говоря, что наши мускулы имеют физическую потребность работать, подобно тому как желудок имеет потребность переваривать пищу, нервы — потребность испытывать впечатления, глаза — потребность смотреть, и т. п. Оставляя в стороне этот общий принцип органической жизни, по которому каждая часть нашего организма требует соответственной своему характеру деятельности, мы заметим только, что в нашем климате лень никак не может находить себе места, если бы и могла принадлежать каким-нибудь другим племенам, живущим под полюсами или под тропиками. Смешно говорить о наклонности к лени в человеке, который в пять или шесть месяцев должен запасть средствами к жизни на целый год; но между тем не подлежит сомнению, что мы работаем хуже, нежели, например, англичане и немцы. Это оттого, что энергия труда подавлена в нас вместе со всякою другою энергиею. Исторические обстоятельства развили в нас добродетели чисто пассивные, как, например, долготерпение, переносливость к лишениям <обидам> и всяким невзгодам. В сентиментальном отношении эти качества могут быть очень хороши, и нет сомнения, что они очень удобны для людей, пользующихся ими к своей выгоде; но для развития экономической деятельности пассивные добродетели никуда не годятся. <Как вы хотите, чтобы оказывал энергию в производстве человек, который приучен не оказывать энергии в защите своей личности от притеснений? Привычка не может быть ограничиваема какими-нибудь частными сферами: она охватывает все стороны жизни. Нельзя выдрессировать человека так, чтобы он умел, например, быть энергичным на ниве и безответным в приказной избе тем, чтобы почесывать себе затылок и переминаться с ноги на ногу. Он будет таким же вахлаком и за сохою. Впрочем, об этом предмете можно было бы наговорить слишком много, если бы в самом деле нуждалась в доказательствах мысль, что энергия в русском человеке подавлена обстоятельствами, сделавшими из него какого-то аскета. Возвратимся лучше к той, более отрадней стороне его жизни, которая показывает, что по природе своей он вовсе не предназначен быть апатичным. Когда пробуждается в нем усердие к делу, он обнаруживает чрезвычайно замечательную неутомимость и живость в работе. Но для этого бывает нужно ему увидеть себя самостоятельным, почувствовать себя освобо-

денным от стеснений и опеки, которыми он вообще бывает подавлен.)

Мы сказали, что не хотим перечислять причин, подавляющих энергию труда в русском народе. Это перечисление было бы слишком огорчительно для нашего с вами патриотизма, читатель. (Мы надеемся, что вы такой же яростный патриот, как и мы; что вы, подобно нам, восхищаетесь нашим общественным устройством во всех его подробностях, начиная с петербургских и кончая сельской администрацией.) Но мы должны обратить внимание на одну сторону народной жизни, которая, сама обуславливаясь благосостоянием и свободой народа, служит коренным источником всех успехов его экономической деятельности. Каждое человеческое дело успешно идет только тогда, когда руководится умом и знанием; а ум развивается образованием, и знания даются тоже образованием; потому только просвещенный народ может работать успешно. В каком же положении наше образование? В целой Западной Европе, имеющей около 200 миллионов жителей, не найдется столько безграмотных людей, как в одной нашей родине; в какой-нибудь Бельгии или хотя бы даже Баварии, при всей отсталости Баварии от других земель Западной Европы, на 5 миллионов населения считается столько же учащихся в школах, сколько в целой России, и число всех грамотных людей в России таково, что едва ли бы достало его на одну провинцию в Прусском королевстве *. О том, насколько распространено у нас высшее образование, нечего и говорить: об этом слишком красноречиво свидетельствуют цифры изданий Гоголя, Пушкина, Тургенева и число экземпляров, в каком издаются наши газеты и журналы **.

* По самым щедрым расчетам предполагается, что из 65 или 70 миллионов жителей Русской империи людей, умеющих читать, набирается до 5 миллионов. Но эта цифра, по всей вероятности, слишком высока. Большинство грамотных людей сосредоточено в городах; в селах едва ли наберется половина того, сколько находится в городах. Но и в городах гораздо больше половины жителей еще не знают грамоте. Судя по этому, едва ли мы ошибемся, положив число грамотных людей в России не превышающим 4 миллионов.

** Все наши ежедневные газеты, вместе взятые, расходятся в числе 30 или много 35 тысяч экземпляров; все большие журналы, вместе взятые, далеко не достигают этой цифры. Предположив для каждого экземпляра даже по 10 человек читателей, мы увидим, что все наше образованное общество едва ли простирается до полумиллиона человек. Во Франции, где чтение распространено меньше, нежели в Германии и Англии, одни только парижские ежедневные газеты печатаются в числе более 200 000 экземпляров (провинциальных газет мы не считаем). Итак,

Как из <апатичности> русского человека в материальной работе проникающие люди вывели, что он от природы расположен к лени, так из слабого развития нашей образованности они заключают, что русское племя мало имеет охоты к просвещению. Обе эти клеветы одинаково тупоумны и нелепы. <Об этих обоих делах надобно сказать одно и то же: «охота смертная, да участь горькая».> Стремление в народе чрезвычайно сильно; но обстоятельства <и учреждения> слишком не благоприятствуют его осуществлению.

Мы перечислили много причин, имеющих гибельное влияние на наше земледелие: отсутствие умственного развития в народе, упадок его энергии, крепостное состояние, недостаток оборотного капитала, неразвитость торговли и промышленности, плохое состояние путей сообщения, слабое развитие городов, незначительная степень населенности, — все это такие причины, из которых каждая сама по себе и без содействия других бывает в состоянии задержать сельское хозяйство на низкой степени развития. Из европейских народов нет ни одного, у которого хотя один из этих фактов, враждебных успехам земледелия, имел бы такой обширный размер, как у нас, и нет в Европе ни одного народа, у которого бы соединялись все эти факты, соединенные у нас. Что ж удивительного, если земледелие у нас находится в худшем положении, чем у западных народов? Когда есть так много и столь сильных несомненных причин, производящих данное положение, позволяют ли правила логики придумывать еще гипотетические и мистические причины? При виде фактов, нами перечисленных, говорить, что наше земледелие задерживается общинным владением, значит подражать той даме, которая зимой поехала на бал, накинув на голые плечи только легкую мантилью, а потом, выдержав горячку, приписывала свою болезнь тому обстоятельству, что забыла взять с собою веер. Мы не знаем, имеет ли веер свойство предохранять от простуды; но можно думать, что если б он и был у ней в руках, он не заменил бы для нее шубы и теплых ботинок. Можно полагать, что, каков бы ни был способ землевладения в стране, где население мало,

во Франции приходится один экземпляр газеты на 180 человек, а в России один экземпляр на 2 200 человек. Но всего прелестнее цифры изданий наших классических писателей. Кто из людей сколько-нибудь образованных не читал Гоголя? Число всех экземпляров всех изданий Гоголя не простирается и до 10 тысяч.

города не развиты, путей сообщения нет, торговли и промышленности почти нет, оборотного капитала в земледелии нет, где 〈обстоятельствами и учреждениями подавлена〉 в народе энергия и нет простора умственной деятельности, — можно думать, что, каков бы ни был способ владения землею в такой стране, земледелие не могло бы достичь в ней никаких успехов.

Говорить о вредном влиянии общинного владения на земледелие в России — значит приписывать цвет волос или величине усов неподвижность человека, у которого поражены параличом руки и ноги. Нас так восхищает гипотеза о вредном влиянии общинного владения, что мы предложим ряд вопросов, которые все могут быть разрешены посредством вредного влияния общинного владения с таким же успехом, как и вопрос о слабом развитии нашего земледелия.

Почему наши города так плохо развивались до сих пор? Общинное владение мешало их развитию, препятствуя купцам развивать свои дела покупкой земель у крестьян. Почему неизмеримые леса наших северных губерний гниют на корню, между тем как средняя и южная Россия нуждается в лесе? Общинное землевладение останавливает поток колонизации, который без него устремился бы в благодатную Олонецкую губернию и пустил бы в торговлю ее леса. Почему ярославские мужики имеют рыжие бороды? Причиною тому должно считаться общинное владение, препятствующее ярославцам походить на французов, имеющих бороды темного цвета. Почему русские экономисты отсталой школы не в состоянии понимать самых простых и ясных фактов? Причиною тому должно считаться общинное владение, задерживающее успехи русских людей как в отношении материальном, так и в отношении умственном.

Задерживая умственное развитие русских экономистов отсталой школы, общинное землевладение препятствует им удовлетворяться предыдущими доказательствами, совершенно достаточными для обыкновенного здравого смысла. Потому мы считаем недостаточным для них предшествующее положительное указание на факты, которые свидетельствуют, что нет надобности в гипотезе о вредном влиянии общинного владения для объяснения неразвитости нашего земледелия: надобно прибегнуть также к отрицательному методу проверки гипотез, чтобы показать еще очевиднейшим образом неуместность их предположения.

На земном шаре находится очень много стран, в которых состояние земледелия не лучше, или немногим лучше, или даже гораздо хуже, чем в России, но которые имеют способ землевладения, могущий, по мнению отсталых экономистов, поднять наше сельское хозяйство, будто бы убиваемое общинным землевладением. Мы сделаем обзор этих стран, чтобы видеть, в состоянии ли господство частной поземельной собственности помочь у нас тому делу, плохое положение которого занимает нас. В Испании положение сельского хозяйства едва ли лучше, чем у нас; многие из условий, не благоприятствующих нашему земледелию, существуют и там, хотя далеко не в такой степени. Население в полтора раза гуще наших земледельческих губерний, пропорция городского населения гораздо значительнее. Средиземное море и Атлантический океан представляют удобный путь сбыта для продуктов целой половины страны; но все-таки сходство с нашим положением довольно велико: население, хотя и больше нашего, все-таки не довольно густо, развитие городов все-таки неудовлетворительно, пути сообщения плохи, оборотных капиталов в земледелии нет, торговля и промышленность очень слабы, и общественные учреждения подавили прежнее просвещение и прежнюю энергию испанского племени. Сходства по этим основным условиям достаточны для того, чтобы земледелие производилось чрезвычайно небрежно, хотя испанцы не имеют и понятия об общинном владении. Дайте им общинное владение или уничтожьте его у нас, положение сельского хозяйства ни у нас, ни у них не изменится, если перечисленные нами условия останутся в прежнем виде. Точно таково же положение вещей в Неаполе и в Папской области, хотя и они не знают общинного владения.

Но если мы хотим видеть в Европе страну, где обстановка земледельческого производства представляет наибольшее сходство с нашей, мы должны взглянуть на Турцию. Не надобно и говорить, что и в ней успехи земледелия задерживаются общинным владением.

Слово Турция пробуждает в нас новую мысль, которая, к сожалению, до сих пор не приходила нам в голову: иначе были бы излишни все наши прежние рассуждения. Европейская Турция до сих пор остается в сущности азиатским государством, хотя и лежит в Европе, не правда ли? Итак, найден нами ключ к объяснению всего, о чем толковали мы с подробностями, которые теперь оказываются совершенно не нужны. Азиатская обстановка жизни, азиатское уст-

ройство общества, азиатский порядок дел, — этими словами сказано все, и нечего прибавлять к ним. Может ли земледелие получить европейский характер при азиатском порядке дел? В самом деле Азия * представляет обширнейший прототип того земледельческого положения, о котором мы говорим, со всеми причинами, производящими его, то есть мешающими ему замениться чем-нибудь лучшим; а между тем Азия точно так же не знает общинного владения землею, как и Западная Европа. Анатолия, Сирия, Месопотамия, Персия, Кабул, Бухара, Хива, Кокан[д] — все эти страны точно так же имеют личную поземельную собственность, как и Англия, Бельгия, Рейнская Германия. Из этого, кажется, можно заключить, что личная поземельная собственность вовсе не служит ручательством за высокое развитие земледелия, что порядок землевладения, будучи необыкновенно важен по своему влиянию на распределение имущества между разными сословиями, не имеет ровно никакого влияния на развитие технической стороны сельского хозяйства. В чьи руки идет сбор хлеба, доставляемый десятиною земли, — вот это решается способом землевладения. Но как обрабатывается эта десятина и как велик сбор хлеба, ею даваемый, это зависит от совершенно других условий, важнейшие из которых мы перечислили. Теперь мы знаем также, как надобно называть совокупность тех условий, при которых обработка земли бывает плоха и сбор хлеба мал: совокупность этих условий, враждебных развитию сельского хозяйства, называется просто — азиатством. <Если бы мы писали статью об общинном владении для обыкновенных читателей, нам не было бы нужды останавливаться на разъяснении, что такое должно разуметь под словом азиатство; но мы пишем для отсталых людей, называющих себя учеными, то есть для людей с понятиями самыми сбивчивыми,

* Под «Азиею» мы разумеем здесь не всю ту часть света, которая известна под этим именем в географии, а только те земли в этой части света, которые издавна знакомы нашему народу и по которым составил он себе понятие об азиатстве. Это — страны, лежащие на запад от Китая и на север от Индии, собственно только мусульманская часть Азии. Столь ученое примечание мы сочли необходимым сделать, имея в виду обыкновенную сообразительность отсталых экономистов, иначе они тотчас возразили бы: «Не явное ли невежество говорить о том, что земля в Азии возделывается дурно, когда известно, что в Китае она обрабатывается самым тщательным образом?» Сделав такое возражение, они остались бы очень довольны собой. К сожалению, наша статья имеет в виду не Китай, где по крайней мере прочность обычая служит некоторым вознаграждением за слабость закона, а только страны, имеющие порядок дел, подобный турецкому, персидскому, хивинскому и кокан[д]скому.

потому, нечего делать, объясним, что обыкновенные, неученые люди понимают под словом азиатство. Если бы остальные ученые могли снисходить до чтения статей, по главию своему относящихся к предметам неученым, мы просто указали бы на разбор сочинений г. Островского, помещенный в последних книжках «Современника»³: понятие азиатства изложено в них с большой подробностью и обстоятельностью. Но могут ли люди, воображающие себя учеными, учиться у какого-нибудь не известного западным их авторитетам г.—бова? Повторим же здесь кратко его основные мысли, чтобы познакомить с ними наших отсталых экономистов.

Азиатством называется такой порядок дел, при котором не существует неприкосновенности никаких прав, при котором не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность. В азиатских государствах закон совершенно бессилен. Опирается на него — значит подвергать себя гибели. Там господствует исключительно насилие. Кто сильнее, тот безнаказанно делает над слабейшими все, что только ему угодно, а так как у него нет человеческих понятий, то руководится он в своих действиях только прихотями, добрыми или дурными, — это как случится, но во всяком случае совершенно бестолковыми; эта черта азиатства в разборе сочинений г. Островского очень удачно названа самодурством. Для человека постороннего она составляет самую поразительную особенность азиатского порядка дел. При безграничном владычестве самодурства каждый азиатец в сношениях своих с более сильным человеком руководится исключительно мыслью угождать ему. Угодливость, уступчивость, раболепство — это единственный способ не быть раздавленным от руки сильнейшего. Мы часто обвиняем азиатцев за их раболепство; но что же им делать, когда закон у них, как мы сказали, бессилен? Водворите у них законность, и вы увидите, что они сделаются такими же людьми, как мы, европейцы.)

Мы чувствуем, что <этот эпизод> об азиатстве решительно не достоин той серьезной идеи, которая служит основанием нашей статьи. Но что же делать! Наш язык не выработался настолько, чтобы можно было удовлетворительно выражать им серьезные понятия. Недаром все ученые жалуются на бедность нашей терминологии. Если бы мы писали по-французски или по-немецки, мы, вероятно, писали бы лучше. Но, не удостоившись от судьбы получить такое счастье, мы должны писать на языке, который

по какому-то загадочному случаю устроен так, что никак не сумеешь излагать на нем своих мыслей связно и ясно. Наш язык, орудие слишком непокорное мысли и истине, беспрестанно увлекает писателя в такие отклонения от его идеи, которые могут быть неприятны не только читателю, но и самому автору, но которые должен извинять великодушный читатель. Удержаться на прямой дороге развития идеи нет возможности, когда пишешь по-русски, и писателю остается только, когда он заметит, что уклонился от своей идеи слишком далеко, делать крутые повороты, чтобы взяться опять за дело, ускользнувшее из-под его пера по сбивчивости нашего языка. Мы так и сделаем. Забывая наш неудовлетворительный эпизод об азиатстве, мы беремся опять за логику и смотрим, что велит она делать при рассуждении о неосновательных гипотезах, каково разбираемое нами предположение отсталых экономистов о вредном влиянии, будто бы оказываемом на земледелие нашею системою общинного владения.

Логика говорит, что не довольно опровергнуть ошибочное мнение, а надобно также показать, каким образом могло оно произойти, потому что иначе ошибка оставалась бы делом произвольным, не имеющим достаточных причин, то есть загадочным. Чтобы исполнить это последнее требование логики, нам нужно только рассмотреть посылку, из которой отсталые экономисты выводят свое ошибочное мнение. «Наше земледелие, — говорят они, — задерживается в своем развитии тем, что поземельная собственность не имеет у нас достаточной безопасности». Мысль совершенно справедливая, и ошибка заключается только в том, что причину небезопасности поземельной собственности принимается отсталыми экономистами общинное владение. В статье «Законодательство и регламентация»⁴ мы подробно доказывали, что общинное владение землей из всех форм поземельной собственности форма самая прочная, безопасная, самая свободная от всяких придирок и юридических столкновений. Но мы оканчивали нашу статью согласием в том, что общинное владение при всем своем юридическом превосходстве далеко не оказывает у нас всех полезных действий, каких следует ожидать от его существенного характера. Мы обещались в нынешней статье разобрать причины такого несоответствия между сущностью принципа и его результатами. К тому же самому делу приводит нас и надобность показать причину, вовлекающую отсталых экономистов в их фальшивую гипотезу.

Отыскать причину их ошибки очень легко. Они сравнивают поземельное владение у нас и в Западной Европе; они замечают, что в Западной Европе поземельная собственность безопасна, у нас не имеет безопасности; они видят с тем вместе, что на Западе существует одна форма поземельного владения, у нас — другая. И вот они делают из этих фактов следующее заключение: «В Западной Европе поземельная собственность безопасна, а форму ее там составляет присвоение собственности частному лицу; итак, присвоение поземельной собственности частному лицу дает ей безопасность. У нас, напротив того, поземельная собственность лишена безопасности и с тем вместе имеет форму общинного владения. Итак, форма общинного владения служит причиной небезопасности поземельной собственности».

Эта форма умозаключения очень обыкновенная у людей, не привыкших к логическим приемам: видя два факта известного рода соединенными в одном месте и два факта другого рода соединенными в другом месте, неопытные в логике умы тотчас же заключают без дальнейшего исследования, что в каждой паре фактов существует между двумя явлениями причинная связь. Если бы этот род умозаключений был пригоден для ученых изысканий, наука уже давно постигла бы все тайны природы и общественной истории. Но, к сожалению, логика заклеивала такой легкий способ отыскания истины знаменитой фразой *cum hoc, ergo propter hoc*⁵ и объявила, что подобные умозаключения решительно никуда не годятся. Если бы отсталые экономисты были знакомы с логикой, они знали бы, что все нелепости суеверия были основаны на этой самой форме умозаключения, и знали бы, какое множество примеров приводится этому в логике.

Например, на чем были основаны ауспиции⁶ древних римлян? Однажды перед битвой они слышали ворону, каркающую с правой стороны, и проиграли битву; в другой раз слышали ворону, каркающую с левой стороны, и выиграли битву. Дело ясное: *cum hoc, ergo propter hoc* — совпадает, следовательно имеет причинную связь. Итак, карканье вороны с правой стороны приносит войску гибель, карканье с левой — дает ему победу.

Все суеверия основаны на этой форме умозаключения. Доказывать его нелепость было бы скучно: довольно будет сказать, что суеверную привычку делать заключения по форме, нами указанной, логика велит заменять строгим исследованием положительных причин, прибавляя, что

очень часто могут совпадать между собой факты, тенденции которых противоположны, и что в таком случае результаты слабейшего факта подавляются противоположными результатами сильнейшего факта.

Положительно известно, например, что просвещение облагораживает человека, а благородство противоположно, например, хоть взяточничеству. Между тем сколько мы видим у нас взяточников, кончивших курс в высших учебных заведениях. По способу умозаключения, которого держатся отсталые экономисты, вывод из этого совпадения фактов таков: человек, кончивший курс в одном из высших заведений, берет взятки — итак, ученье делает человека взяточником. Логика велит судить об этом иначе. Она говорит: если даже люди образованные становятся взяточниками, несмотря на противоречие между образованностью и взяточничеством, то надобно полагать, что в обстановке, среди которой живут эти люди, есть обстоятельства, столь могущественно влекущие к взяточничеству, что противоположное направление, внушаемое образованностью, может изнемогать под силой этих обстоятельств.

Другой пример. Светское воспитание, хорошо оно или дурно в других отношениях, но имеет ту несомненную хорошую тенденцию, что делает человека деликатным в обращении, отучает его от низких, грязных манер. Но сколько у нас есть людей, получивших светское воспитание, которые чрезвычайно грубы в обращении со своими подчиненными, которые невежливо обращаются с мелкими чиновниками, если бывают в гражданской службе, которые ругают солдат, если бывают офицерами. По умозаключению отсталых экономистов опять выходил бы такой силлогизм: люди, получившие светское воспитание, унижаются до пошлых грубостей — итак, светское воспитание отнимает у человека вежливость. Логика опять говорит напротив: если даже люди, получившие светское воспитание, бывают невежливы, грубы, пошлы в обращении с другими, то надобно думать, что в обстановке, среди которой живут эти люди, есть обстоятельства, столь сильно располагающие к нахальному попиранию всякой слабой личности, что даже вежливость, даваемая светским воспитанием, подавляется этими обстоятельствами.

В подобных случаях логика велит вместо того, чтобы останавливаться на тупоумном предположении «совпадает, следовательно имеет причинную связь», пристальнее всматриваться в обстоятельства, среди которых происхо-

дит явление, чтобы отыскать истинные причины его. Так поступим и мы. Отыскать истинные причины небезопасности нашей поземельной собственности очень нетрудно. Можно даже сказать, что они известны каждому, кроме отсталых экономистов.

Собственность принадлежит к числу общественных учреждений. Чем же ограждается безопасность общественных учреждений? Законами. Прекрасно. Какими способами проявляется в обществе действие законов? Опять каждому известно, что для приведения законов в действие общество имеет два органа: администрацию и судебную власть. Итак, если мы рассуждаем о безопасности какого-нибудь общественного учреждения в известном обществе, то не должен ли нам прежде всего приходиться в голову вопрос о том, каково состояние администрации и судебной власти в этом обществе?

Мы не имеем намерения подробно отвечать здесь на такой вопрос, говорить о взяточничестве, потворстве сильным, нахальстве над слабым, о медлительности, неумении ничего хорошего исполнить надлежащим образом, о безграничном произволе, соединенном с бессилием, столь же безграничным. Сколько бы ни наговорили мы об этих качествах нашей администрации и судебной власти, мы не сказали бы ничего такого, что не было бы не хуже нас известно каждому из наших читателей. Доказывать эту истину было бы тут не для кого и спорить не с кем. Мы полагаем, что даже отсталые экономисты, так мало понимающие нашу жизнь, понимают, каково положение администрации и судебной власти у нас. Мы полагаем, что даже и они, подобно нам, скажут: наша администрация до сих пор не была способна удовлетворительным образом ограждать личность и собственность наших сограждан; от судебной власти до сих пор нельзя было у нас обиженному ожидать быстрого восстановления своих нарушенных прав.

Этого довольно для нашей цели.)

Мы нашли коренную причину не только явления, объяснением которого специально занимаемся в этой статье, но и всех тех фактов, которые представлялись нам ближайшими причинами его. Не только слабость успехов нашего земледелия, но и медленность в развитии нашего населения вообще, нашего городского населения в частности, неудовлетворительное состояние наших путей сообщения, торговли, промышленности, недостаток оборотного капитала в земледелии — все это, и не только это, но также

и крепостное право, и упадок народной энергии, и умственная наша неразвитость, — все эти факты, подобно всем другим плохим фактам нашего быта, коренную, сильнейшую причину свою имеют в состоянии нашей администрации и судебной власти. <Весь наш быт во всем, что есть в нем печального, обуславливается этою основною причиною всех зол.

В самом деле, пересмотрим все недостатки его, для всех найдем одну и ту же главную причину. Начнем с экономической стороны. Все неудовлетворительные явления нашего материального быта подводятся под одно общее выражение: «наш народ беден». Если мы сознались в этом общем факте, кажется, не подлежащем спору, мы не станем удивляться ни одному из частных явлений, входящих в состав его или представляющихся его последствиями. Например, может ли быстро увеличиваться население, у которого бедностью отнята возможность вести жизнь в здоровой обстановке и потреблять хорошую пищу? Могут ли быстро развиваться города у бедного народа? Может ли у него процветать торговля, когда у него нет обильного запаса продуктов для обширной торговли или промышленности, когда ему не на что покупать произведений промышленности? Могут ли у него быть достаточные оборотные капиталы в земледелии, когда он вообще терпит чрезвычайный недостаток в капиталах? Словом сказать, в чем бы ни увидели мы недостаток, мы уже вперед сказали о нем, когда произнесли общую фразу: «народ беден».

Но может ли выйти из бедности народ, у которого администрация дурна и судебная власть не исполняет своего предназначения? Разве не каждому известно, что народное благосостояние развивается только трудолюбием и бережливостью? А эти качества могут ли существовать при дурной администрации, при плохом суде? Человек может работать с усердием только тогда, когда никто не помешает его труду и не отнимет у него плодов труда. Этой уверенности нет у человека, живущего в стране, где администрация дурна и суд бессилен или несправедлив. Бережливым можешь быть только при уверенности, что бережешь для себя и своей семьи, а не для какого-нибудь хищника. Если этой уверенности нет, человек спешит поскорее растратить — хотя бы на водку — те скудные деньги, которые успеет приобрести. Распространяться здесь об этом вновь едва ли нужно, потому что много раз говорил об этом «Современник». Приведем только небольшой отрывок из

статьи, которая, по нашему мнению, довольно верно указывает причину зла.

«Кто говорит «бедность народа», тот говорит «дурное управление». Это — единственный источник народной бедности. Но что такое дурное управление? Зависит ли оно от лиц? Нет, каждый видел на опыте, что при самых благонамеренных начальниках порядок дел оставался точно таков, каков был при самых дурных. Мы жили в провинции, губернатором которой был человек честнейший, редкого ума и чрезвычайно хорошо знавший дело *. Каждый житель того края скажет вам, что при нем делалось то же самое, что и до него. Должности продавались с формального торга. Суда и управы не было; грабительство было повсеместное: оно властвовало в канцелярии губернатора, в губернском правлении, по всем ведомствам и инстанциям. Теперь мы нашли там начальником одного из частных управлений, человека также безукоризненной честности и большого ума **. Но когда, проезжая по провинции, мы спрашивали поселян его управления, меньше ли берут с них взятки, чем прежде, при отъявленных взяточниках или глупцах, они отвечали, что берут с них столько же, как и прежде. Мы поручимся, что и в соседней, также поволжской губернии, где губернатором теперь человек известной честности, дельности и ума⁹, делается то же самое, что делалось прежде; поручимся, что не исправилась администрация и в Р. губернии, где вице-губернатором один из наших благороднейших писателей, характер которого достоин его прекрасных произведений¹⁰. Итак, не личные качества людей причиной дурного управления. Или виновны в нем понятия народа, будто не сознающего всей гнусности гнусных дел? О, нет. Послушайте, как говорят о чиновниках люди всех других сословий: помещики, купцы, духовенство, мещане, крестьяне. Все, кроме берущих взятки, рассуждают о дурном управлении с теми чувствами, которых оно заслуживает. Или дурное управление зависит от привычек? Но нет, мы видим, что самые отъявленные взяточники на казенной службе бывают честными людьми, как помещики и хозяева промышленных заведений. И притом, что значила бы привычка какой-нибудь горсти людей, действия которых осуждаются всем остальным обществом? Эти люди быстро исправились бы или бы уступили место людям другого образа действий,

* Мы говорим о г. К., бывшем саратовском губернаторе⁷.

** Мы говорим о г. М., управляющем удельною конторою⁸.

если бы на их местах возможно было действовать другим образом. И послушайте самых дурных чиновников: редкий из них доволен своим служебным поведением. Напротив, почти все скажут вам, что хотели бы действовать иначе, отправлять свои обязанности честно, и если не делают этого, то лишь потому, что это невозможно. Да, они правы: действительно, они не могут отправлять своих должностей иначе. Мы не говорим о недостаточности жалованья, потому что действуют незаконно и те чиновники, которые получают достаточное жалованье; недостаточность жалованья служит причиной только мелкого, можно сказать невинного и безвредного взяточничества маленьких чиновников. Какой-нибудь бедняжка писец или помощник столоначальника гражданской палаты берет с вас полтинник за то, что сделает для вас справку, — тут нет еще большой беды. Дело не в этом взяточничестве. Нет, вопрос в том, почему дела у нас вообще ведутся незаконно, с получением или без получения взяток, все равно. Если, например, я имею чин коллежского советника (это уже важный чин в провинции), я могу незаконно прибить мещанина, и меня оправдают, не взяв с меня никакой взятки. Зато, если обидит меня генерал (каждый генерал в провинции важнее, нежели в столице генерал-адъютант или действительный тайный советник), его также оправдают, не взяв с него никакой взятки, и от меня не захотят взять даже огромной взятки, чтобы обвинить его. Только в тех случаях дело решается взяткою, когда обе стороны почти равны по общественному положению. Это случаи довольно редкие. Итак, вовсе не о взятках должна быть речь: речь должна быть о том, что вообще у нас дела ведутся незаконно; то, что беззаконие доставляет доход чиновнику, есть уже только следствие системы, а не причины ее. Истинные причины беззаконности — безответственность и беззащитность чиновников. Чиновник наш подлежит одному только контролю — контролю начальства; ни общество, ни товарищи, ни подчиненные не могут ничего сделать с ним, если только начальство довольно им; зато ни общество, ни товарищи, ни подчиненные не могут спасти его, если начальство им недовольно. Он безответственен пред всем и всеми на свете, кроме начальства; зато перед начальством он беззащитен. Лишенный всякой независимости относительно начальства, он может держаться на службе только тем, чтобы угождать ему. Теперь представим себе такой случай. У начальника есть брат, который имеет тягбу с человеком маленьким. Начальнику

нет времени и охоты вникать в запутанные подробности дела, да если он станет вникать, все дело поневоле представляется ему в свете более благоприятном для его брата, нежели как может представляться постороннему человеку. Дело производится, положим, в уездном суде. Если маленькие чиновники чисты и секретарь уездного суда [не] произведет его, как считает справедливым пристрастный по родству глаз начальника, они навлекут на себя его неудовольствие. То же, что о брате начальника, надобно сказать о других его родных, и о его друзьях, и о его знакомых, и о знакомых его друзей и родственников. Что же будет, если во второй, в третий, в десятый раз члены уездного начальства навлекут на себя неудовольствие начальника? Они беззащитны, они вполне зависят от него. Каким же образом могут они занимать свои места, если часто не нарушают закона для того, чтобы их решения совпадали с предубежденным в пользу известной стороны мнением начальника? И как устоят они против искушения нарушить закон? Ведь это совершенно безопасно: лишь бы был доволен начальник, и никакая ответственность не упадет на них. Таким образом, они должны нарушать закон не для того, чтобы брать взятки, а для того, чтобы не подвергнуться несчастью самим. Вот истинный источник беззаконного ведения дел. А если уже совестью надобно кривить, все равно, будет ли брать взятки, или нет: то почему же и не брать взяток? Когда надобно делать одно и то же — кривить душою — с выгодой и без выгоды, то, конечно, будем даже лучше кривить душою с выгодой. И без того не избежишь греха. Таким образом, взяточничество является только уже результатом предшествующей ему необходимости нарушать закон, по беззащитности исполнителей закона перед сильнейшими и безответственности перед обществом. Чтобы восстановить законность, надобно обратить внимание не собственно на взяточничество, а на эту коренную причину невозможности чиновникам обходиться без нарушения закона. Надобно изменить положение чиновников, дать им возможность не погибать от отказа нарушать закон в угоду сильным людям и, с другой стороны, сделать так, чтобы одно благорасположение начальства не служило для них залогом полной безопасности при нарушении закона. Читатель видит, что для этого должны быть изменены отношения должностной деятельности к общественному мнению. Оно должно получить возможность к тому, чтобы защищать чиновника, исполняющего свой долг, от гибели и подвергнуть ответ-

ственности чиновника, нарушающего закон. Для этого одно средство: надобно сделать, чтобы должностная деятельность перестала быть канцелярскою тайною, чтобы все делалось открыто, перед глазами общества, и общество могло высказывать свое мнение о каждом официальном действии каждого должностного лица».

Мы не знаем, возможно ли при нынешнем устройстве наших общественных отношений осуществление условия, которое предлагается выписанным нами отрывком для прекращения беззаконности: быть может, подобная реформа предполагает уничтожение отношений слишком сильных, не поддающихся реформам, а исчезающих только вследствие важных исторических событий, выходящих из обыкновенного порядка, которым производятся реформы. Мы не хотим решать этого, мы не хотим рассматривать, какие обстоятельства нужны для исполнения мысли, изложенной автором приведенного нами отрывка. Но можно сказать, что пока не осуществится изменение, необходимость которого он показывает, все попытки к водворению законности в нашей администрации и судебном деле останутся безуспешными.

Впрочем, рассмотрение средств, которыми могла бы устраниться коренная причина бедности нашего народа — дурное управление, не составляет главного предмета этой нашей статьи. Мы должны показать только, что дурное управление есть общая коренная причина всех тех недостатков, которые задерживают развитие нашего земледелия. Начав с экономической стороны быта, мы сказали, что дурное управление — основная бедность нашего народа, которая, в свою очередь, не дает развиваться ни одному из материальных условий, нужных для успехов земледелия.)

Другая сильнейшая причина нашей бедности (вообще и жалкого положения нашего земледелия в особенности) — крепостное право — произошло некогда от дурного управления и поддерживалось им. О происхождении крепостного права мы заметим только, что это учреждение развилось от бессилия нашей старинной администрации охранить прежние свободные отношения поселян, живших в известной даче, к владельцу дачи и удержать постепенное расширение произвольной власти, захватываемой владельцем над населявшими его землю людьми; заметим еще, что (превращение огромной массы вольных людей в крепостных крестьян никак не могло бы совершиться, если бы управление было способно защищать мелких

вольных людей от произвола сильных соседей». Возможность учредить крепостное состояние происходила только оттого, что вольные люди, слишком плохо защищаемые управлением, терпели слишком много притеснений, так что переставали дорожить своею свободою и не видели слишком большой потери для себя от записи в принадлежность сильному человеку. Излагать подробнее этот предмет, относящийся к старине, было бы неуместно в статье, говорящей о нынешнем положении дел. Мы хотели сказать, что если крепостное право держалось до сих пор, то оно было обязано такой продолжительностью своего существования только дурному управлению. Действительно, каковы бы ни были законы, определявшие права помещиков над крепостными людьми, но если бы даже эти законы соблюдались, то, во-первых, все помещики давно бы перестали находить выгоду в крепостном праве, во-вторых, почти во всех поместьях крепостное право было бы прекращено частными судебными решениями по процессам о злоупотреблении власти. (Мы уже сказали, что не намерены писать филиппик против крепостного права; но мы укажем факт всем известный, если скажем, что трудно было найти поместье, в котором пользование крепостным правом или не превышало бы границ, определенных ему законом, или не употреблялись бы для управления крестьянами средства, запрещенные законом, и не оставлялись бы в пренебрежении обязанности относительно крестьян, возлагаемые законом на помещика. В одних поместьях требовалась барщина выше трех дней, в других — крестьяне подвергались иным притеснениям, в третьих — оставлялись без надлежащего пособия во время неурожаев и т. д. Надобно сказать, что эти нарушения законов далеко не всегда проистекали оттого, что помещик был дурным человеком: нет, источник их лежал не в личных качествах отдельных людей, а в самой натуре крепостного отношения. По своей сущности крепостное право ведет к произволу, и какими бы законами ни определялось оно, оно неминуемо влечет и к нарушению, потому что произвол не может ужиться ни с каким законом. Если бы управление действительно хотело и могло преследовать все бесчисленные нарушения законов, неминуемо вытекавшие из крепостных отношений, в каждом поместье беспрестанно возникали бы процессы против помещика, и, измученный справедливыми преследованиями, он давным-давно сам постарался бы вывести свое поместье из крепостных отношений, которые, прибавим, очень мало

доставляли бы ему материальной и денежной выгоды, если бы управление не позволяло далеко превышать законных размеров и средств пользования крепостным правом. Много говорить об этом нет надобности: спросите какого угодно дельного чиновника, он скажет вам, что удовлетворительные формы ведения процессов гражданских и уголовных были невозможны при крепостном праве; а это значит, иными словами, что существование крепостного права было бы невозможно при хорошем управлении.

Если мы посвятили несколько страниц изложению последствий дурного управления в экономической стороне народного быта, то едва ли понадобится нам больше нескольких строк для обнаружения того, что дурное управление было также главной причиной неудовлетворительного развития нравственных и умственных сил народа. Говоря о бедности, производимой дурным управлением, мы уже видели, что оно производит ее через подавление нравственной энергии в народе. Действительно, может ли быть энергичным человек, привыкший к невозможности отстаивать свои законные права, человек, в котором убито чувство независимости, убита благородная самоуверенность? Соединим теперь упадок нравственных сил с бедностью, и мы поймем, почему дремлют также умственные силы нашего народа. Какая энергия в умственном труде возможна для человека, у которого подавлено и сознание своего гражданского достоинства, и даже энергия в материальном труде, который служит школой, подготовляющей человека к энергии в умственном труде?>

Метода лечения знахарей и знахарок представляет драгоценную параллель с тою системою, по которой остальные экономисты думают поправить неприятное для них явление экономического быта, например помочь жалкому положению нашего земледелия. Появился какой-нибудь веред¹¹ на ноге: знахарь, не задумываясь, прикладывает к нему какую-нибудь лепешку и ожидает, что болезнь уступит этому местному медикаменту. О том, отчего произошел веред, он не думает. Он не думает видеть в нем только симптом общего худосочия, только ничтожное обнаружение болезни, недрящейся в целом организме, проистекающей от испорченности основного процесса организма, от испорченности крови, от расстройства питания. Наука, напротив, говорит, что какое-нибудь, по-видимому местное, поражение очень часто не может быть исцелено никакими припарками и прижиганиями собственно боль-

ного места, что для исцеления болезни, обнаруживающейся этим местным симптомом, больной должен изменить весь образ жизни, чтобы исправился расстроившийся основной процесс организма.

Потому-то и отвратительно нам слышать рассуждения отсталых экономистов о том, как дурное состояние нашего земледелия может быть исправлено приложением местной припарки — уничтожением общинного землевладения и введением на его место частной поземельной собственности. Не потому отвратительно слышать нам эти тупоумные, суеверные рассуждения, что мы — приверженцы общинного землевладения: нет, все равно, мы негодовали бы на них и тогда, когда бы думали, что частная поземельная собственность лучше общинного владения. Каково бы ни было полезное или вредное влияние известной системы землевладения на успехи сельского хозяйства, все-таки это влияние совершенно ничтожно по сравнению с неизмеримым могуществом тех условий нашей общественной жизни, в которых нашли мы истинные причины жалкого положения нашего земледелия. Больной чувствует лихорадочный озноб оттого, что гнилой климат и изнурительный образ жизни развивают в нем чахотку; а вы, милостивые государи, советуете ему лечиться порошком из раковых жерновов. Я не знаю, действительно ли помогают раковые жерновки от лихорадки. Медицина говорит, будто бы это средство совершенно вздорное. Но все равно. Пусть оно будет и превосходным средством от лихорадки, оно все-таки никуда не годится в нашем случае. Болезнь не та, как вы думаете, милостивые государи. Она произошла не от легкой простуды, которую вы хотите лечить вашими милыми раковыми жерновками, и какие лекарства ни употребляйте против озноба, который один замечен вам из всех симптомов страшной болезни, вы не уничтожите не только общей болезни организма, но даже и этого частного ее проявления. Вы только губите больного, заставляя его терять время на пустяки, когда каждый день увеличивает опасность его положения. Всмотритесь получше в состояние организма, и вы найдете, что лихорадочный озноб производится причинами, против которых необходимо употребить средства, совершенно различные от рекомендуемых вами суеверных пустяков. Вся обстановка жизни больного должна измениться для того, чтобы прекратилось гниение основного органа его тела. А когда его легкие будут здоровы, сам собою, без всяких раковых жерновов исчезнет и мнимый лихорадочный озноб. Поза-

ботьтесь о том, чтобы мы получили хорошую администрацию и справедливый суд, тогда вы увидите, что не нужно будет нашему земледелию прибегать к вашим раковым жерновкам — к разделению общинных земель на потомственные участки, тогда вы увидите, что общинное владение не будет мешать успехам сельского хозяйства, потому что тогда будет исчезать наша бедность, и явятся те условия, которых теперь нет и без которых ни при какой системе землевладения сельское хозяйство не может прийти в удовлетворительное состояние.